

Минакир П.А.

О ключевых задачах экономического развития России (по итогам Послания Президента РФ Федеральному Собранию)*

**Павел Александрович
МИНАКИР**

доктор экономических наук, академик РАН, директор Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук

Прозвучало очередное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Как всегда, оно касалось всего спектра проблем и тенденций общественной жизни. Обстановка и в стране и в мире предельно сложная, а потому Послание не должно было стать дежурным политическим действием. От него логично было бы ожидать если не откровений, то, по крайней мере, адекватности в диагнозе, если не однозначности, то четкости в методах профилактики и лечения. Насколько оправдались ожидания? Остановимся только на двух сюжетах.

Сюжет первый – экономический рост, который самим Президентом назван «сердцевиной нашей (очевидно правительства и Администрации Президента?) работы» и базовым условием для решения задач социального развития.

Хорошей новостью можно считать то, что Президент указал на внутренние при-

чины как на главный источник замедления роста, а если называть вещи своими именами, то начала масштабной экономической стагнации. Плохой новостью является то, как в Послании интерпретируются «внутренние причины».

Собственно говоря, названы две такие причины: 1) низкая производительность труда, 2) слишком высокая доля сырьевого экспорта. Из этого можно сделать вывод, что все остальные причины уже таковыми не являются, во всяком случае для правительства и Президента.

Что ж, возможно, публика и отдельные эксперты еще просто не заметили или не успели оценить того, что в России побеждена коррупция, демонтированы административные барьеры, обеспечена эффективная конкуренция, установлен контроль над функционированием госкорпораций, налажено государственное регулирование

* Представленная статья была опубликована (без заглавия) в журнале «Пространственная экономика» (№4 за 2013 год) в рубрике «От главного редактора». Перепечатывается по согласованию с автором.

деятельности монополистов всяческого толка (естественных и противоестественных), реализована вменяемая денежно-кредитная политика, налажен контроль над внешними заимствованиями (государственными и корпоративными), заменено «бюджетное правило» на правило оптимизации «незащищенных» бюджетных расходов, оптимизированы внешние капитальные потоки, решена проблема бюджетных навесов на региональном и муниципальном уровнях и устранена угроза субнациональных дефолтов, гарантированы права собственности, сформирована вменяемая промышленная политика и т.д. Это возможно, но неправдоподобно. Скорее, все вышеперечисленное столь многотрудно и конфликтно, что лучше было ограничиться предельно общими и оттого кажущимися очень правильными и логичными лозунгами.

Впрочем, повышение производительности труда — действительно важная тема. Следует лишь понимать, что сама производительность труда как отношение объема ВВП к численности занятых в экономике — это не более чем индикатор, свидетельствующий о качестве труда, организации производственных процессов, состоянии технической структуры капитала, уровне технологии и пр. Низкий уровень производительности труда свидетельствует о том, что крайне низок уровень организации и технологии по всей цепочке экономических взаимосвязей и для всех экономических агентов.

В действительности проблема с индикатором результативности живого труда даже более серьезна, чем отражено в Послании. Президенту предоставили данные, согласно которым Россия входит в «пятерку крупнейших экономик мира». Это действительно так, если судить по данным международных институтов за 2012 г. Правда, в пятерку Россия входит только по данным

Всемирного банка, а по данным МВФ и ЦРУ занимает 6-е место, но и это очень неплохо, хотя оценка ВВП различается почти на 800 млрд. долл. США¹. Но следует учесть, что это данные, полученные при сопоставлении уровней ВВП, оцененных по паритету покупательной способности. А если сравнивать оценки номинального ВВП, да еще и на душу населения, что, собственно, и характеризует уровень экономического развития, то Россия сразу откатывается на скромное 50-е место между Литвой и Латвией. Конечно, если бы на каждого занятого производилось хотя бы в 2 раза больше ВВП по номинальной величине, то Россия подтянулась бы к Испании и Израилю, то есть на 30–32-е место².

Как же предлагается добиться этого светлого будущего? Президент предложил рецепт из четырех ингредиентов: повышение качества профессионального образования, создание гибкого рынка труда, благоприятный инвестиционный климат, современные технологии. В этом ничего удивительного и нового, конечно, нет. Есть нюансы. И удивительные.

Основа основ роста продуктивности живого труда — рост его технической и технологической вооруженности. А этого нельзя добиться без постоянной интродукции новых технических и технологических решений. Поэтому неудивительно, что свои поручения Президент начинает с поручения правительству и (вот это уже удивительно) Академии наук «провести корректировку перспективных направлений развития науки и техники». Ведь только что Академия наук была если и не уничтожена формально, то демонстративно унижена. У Академии наук фактически отобрано право определения направлений и перспектив научного

¹ Список стран по ВВП (ППС). — URL: ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 15.12.2013).

² Список стран по ВВП (номинал) на душу населения. — URL: ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 15.12.2013).

и технологического поиска, а через два месяца после этого на академию возлагается задача определить путь технологического обновления. Может быть, это сделано по привычке? А может быть, обозначается будущий виноватый на случай (весьма вероятный) неудачи проекта «рывок производительности труда». Это было бы логично, ведь не правительство же ответит за провалы в экономике, ведь нехорошо, когда виноватого вообще нет, как, например, в случае с провалом «рывка ВВП».

Еще один нюанс — прикладные исследования, которые действительно являются ключевым пунктом в практических инновациях. Но при этом ни слова не сказано про ключевое звено в прикладных разработках — корпоративные разработки, центры, лаборатории, то есть про то, что ранее называлось «отраслевая наука». Подмена проблемы организации НИОКР и связи их с фундаментальными исследованиями проблемой патентов/лицензий и доходов от них не приближает к желаемому технологическому перевооружению. Страна может производить много патентов/лицензий, но использоваться они будут только при наличии спроса на вероятные результаты их использования. Поэтому действительно нужно «формировать внутренний спрос на высокие технологии». Но почему только высокие технологии? А что, просто технологии нас уже не устраивают или с ними все обстоит благополучно?

Но предположим, что каким-то чудесным образом в условиях начавшегося развала фундаментальной науки, летаргического сна прикладных разработок, немотивированности отечественного бизнеса на реализацию стратегии модернизации, что требует в разы более высокой нормы накопления при отсутствии доступных кредитных источников, в России в разы же увеличилось количество собственных патентов и лицензий. Что произойдет с

производительностью труда? Скорее всего, ничего. Потому что увеличение доли доходов от патентов и лицензий в стоимости ВВП означает лишь изменение структуры произведенного ВВП, да и то при условии, что отечественные патенты и лицензии востребованы рынком, то есть конкурентоспособны и на внутреннем, и на внешнем рынках. А еще потому, что невозможно базировать национальную экономику на собственных лишь патентах, реальная проблема — организация эффективного и непрерывного сплошного технологического заимствования. Но это требует изменения мотивации в экономике, изменения политики накопления, изменения целого ряда институтов, и отнюдь не одних только «институтов развития».

Второй сюжет связан со стратегическими целями экономического развития. В Послании в качестве примера таких целей приведена задача «подъема Сибири и Дальнего Востока», что названо рациональным проектом XXI в. Нельзя не согласиться, что «задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу ...и наши шаги должны быть нестандартными». Существуют в этой связи две проблемы, которые в тексте Послания явно не отражены.

Во-первых, остается большая неопределенность как раз с задачами, которые предстоит решить. Что это за задачи? Есть версии, но нет ясности. Это могут быть задачи ускорения темпов роста ВВП в Дальнем Востоке и в Сибири. Это могут быть задачи увеличения объемов внешне-торгового оборота с восточными соседями. Это могут быть задачи создания «открытой экономики». Это могут быть задачи создания новой индустрии, задачи изменения структуры экономики. Это могут быть задачи создания комфортной среды обитания. И этот список можно продолжать довольно долго. От четкого и однозначного

определения задачи зависит, как известно, и метод ее решения, и вероятный результат. Четкость и однозначность, однако, по-прежнему в дефиците.

Во-вторых, остается неопределенность как раз с «нестандартными шагами». Как следует из текста Послания, в качестве нестандартных решений имеется в виду создание сети «специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт». Это уже весьма похоже на концепцию новой индустриализации в версии «модели экспортно-производственных дуг», проектов «ТОР-2030» и «ТОР-2050»³. Различие заключается в том, что упомянутые проекты предполагают специализацию в этих зонах на использовании технологических монополий, в том числе, и даже преимущественно, при переработке предназначенного для экспорта сырья и ориентированного на экспорт нового промышленного производства. В Послании такого акцента не делается, то есть предполагается, что предоставление налоговых льгот и обещание создания условий ведения бизнеса, конкурентных с ключевыми деловыми центрами АТР, — достаточные аргументы для переориентации отечественных и иностранных инвестиций в Восточную Сибирь и на Дальний Восток.

Это неявно предполагает, что государство готово взять на себя расходы по ком-

пенсации не просто повышенных издержек на производство, но и таких «невидимых» статей, как, например, потери от низкого масштаба, повышенной капиталоемкости, увеличения уровня конкуренции. Если так, то тем более следовало бы ясно понимать, ради чего, ради какого экономического или военно-политического результата это делается.

Но даже если все это известно и объяснено, то все-таки нестандартными эти шаги назвать трудно. Это как раз весьма стандартные действия, которые должны учитывать главное — они дадут успех только в том случае, когда определены ключевые сравнительные преимущества подобных «зон». Такими преимуществами могут быть технологическое лидерство, изобилие и дешевизна ресурсов и/или факторов производства, масштаб рынка, преференциальная система институтов. Льготы налоговые могут и должны способствовать облегчению принятия решений по использованию этих преимуществ в том или ином месте.

Возможно, что краткость Послания не позволила развить продекларированные намерения по этим двум сюжетам и это будет сделано позднее. Хуже, если в этой краткости и схематичности изложенных намерений в очередной раз «защита» уверенность в пресловутой «невидимой руке рынка», которая сама все расставит по местам. Тогда еще не раз придется обращаться к этим темам на уровне абстрактных идей и намерений.

On the key tasks of Russia's economic development (following the Address of the RF President to the Federal Assembly)

Minakir Pavel Aleksandrovich — Doctor of Economics, RAS Academician, Director of Economic Research Institute, Far Eastern Branch of RAS

³ См., напр.: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 912 с; Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. — Хабаровск: ДВО РАН, 2010. — 560 с; Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. — М.: Экономика, 2006. — 848 с.